время его душа, преисполненная мудрости, испытывала внутренние мучения и трепетала при мысли, что его рыцарские битвы находятся в противоречии с правилами Господа. Действительно, Господь повелел тому, кого ударили по щеке, подставлять другую щеку врагу, а светское рыцарство предписывает не щадить крови даже родственников. Господь повелевает отдать и рубашку, и мантию тому, кто нас ограбил; а рыцарь, по своей обязанности, должен отнять и остальное, с кого он взял уже и рубашку, и мантию. Это противоречие правил рыцарства с заповедями Божьими умеряло иногда отвагу этого героя, исполненного мудрости, но настолько, насколько то необходимо для отдохновения. Но когда проповедь Урбана (II) возвестила отпущение грехов всем христианам, которые пойдут на борьбу с неверными, мужество Танкреда встрепенулось от своего усыпления; он собрал все свои силы, открыл глаза, и отвага его удвоилась. До того времени, как я сказал, дух его, колеблясь между двумя путями, не знал, по которому следовать: по пути ли Евангелия, или по мирскому пути; но когда его призвали теперь к оружию во имя Христа, такой случай сразиться рыцарем и христианином воспалил в нем ревность, которую было бы трудно выразить. Сделав все приготовления к походу, он в короткое время собрал все, что было необходимо; и, без сомнения, он не делал больших трат для того, привыкиув с детства отдавать все другим, не помышляя о себе. Впрочем, он собрал в достаточном числе рыцарское вооружение, лошадей, мулов и съестные принасы, в количестве, необходимом для своих сподвижников.

В главах II и III автор распространяется в похвалах Боэмунду Тарентскому и говорит о договоре, заключенном им с Танкредом по поводу похода в Палестину, в силу которого Танкред обязался сражаться под его начальством, как герцог подчиняется королю, и быть в армии вторым.

Следующие главы (IV-IX) описывают сам поход Боэмунда по Греции, и именно первое его блестлщее дело с греками при переправе через Вардар, где главное место принадлежало Танкреду; воснев в стихах этот подвиг своего героя, автор говорит дальше о страхе императора Алексея и о письме, которым он пригласил Боэмунда оставить армию и поспешить к нему лично, обещая ему при этом горы золота.

Х. Послы императора Алексея, вооруженные таким льстивым письмом и исполненные коварства, идут, приходят, являются и вступают в переговоры с Боэмундом. Боэмунд, упоснный медовой наружностью их речей, не заметил яда, скрывавшегося под ними, и позволил себя обмануть обещанием богатств Константинополя, за которые он уже давно обагрял кровью и море, и землю. Напротив того, он был даже рад. что получает столь легко то, что ему часто не удавалось при нападении на греков. Таким образом, он решился пойти первым туда, куда его призывали, сопровождаемый ничтожной свитой, между тем как Танкред продолжал медленно двигаться с остальной армией. Все это дело писколько не радовало сына маркиза, когда его известили о том, ибо он имел отвращение к вероломной дружбе греков, как ястреб боится тепёт или удочки; презирая подарки, он решился даже совсем избежать свидания с императором. Распорядившись относительпо того, кто должен был следовать за ним и кго остаться, Боэмунд отправился из замка, называемого Кимпсалой. Полученные обещания волновали его дух, дух пробуждал рыцаря, рыцарь пришпоривал коня, и они в несколько дней прибыли в Константипополь. Там Боэмунд, представившись Алексею, подчинил себя игу, называемому обыкновенно homagium (вассальная подчиненность). Без сомнения, это было ему неприятно, но он в то же время получил в дар общирную землю в Романии, в длину – насколько может пробежать лошадь в 15 дней и 8 дней в ширину. Вслед за тем крылатая молва принесла известие о том Танкреду и шепнула ему: «Тебе, как идущему сзади, предстоит такая же еделка, но она будет еще унизительнее, как уже менее выгодная».

XI. Танкред, получив это известие, опечалился за Боэмунда и испугался за себя, ибо, видя дом соседа объятым пламенем, оп был увереп, что и ему угрожает пожар. Тогда он начал ломать себе голову, искать и рассуждать с собой, какой дорогой можно